

И снова об олтыанском происхождении воеводы Богдана I Denis Căprăroiu

Осенью 2009 года, участвуя в симпозиуме, посвященном 650-летию с момента основания Молдовы, который был организован в городе Рэдэуць, я представил необычное по своему характеру научное сообщение, которое привлекло внимание присутствующих на обсуждениях. Это обстоятельство было вызвано нашей попыткой, которую изначально встретили оправданным недоверием, выделить возможное *олтыанское* происхождение воевода Богдана I. К счастью, изложение доводов привело к тому, что в конечном итоге обоснование было хорошо принято, не задевая исконно местные патриотические чувства молдавских коллег. Позже сообщение развилось в обширное историческое исследование, которое было издано в *Анналах Крайовского университета*. Хочу поблагодарить и по этому случаю крайовских коллег за всю их заботу, которую проявили в тот момент относительно опубликования нашего вклада. Между тем, исследование смежных исторических обстоятельств, также как и переоценка некоторой археологической и документальной информации, предоставило нам серию новых аргументов, релевантных для этой темы обсуждений. Следовательно, мы посчитали уместным возобновить предыдущую демонстрацию, и включить в состав уже опубликованного текста эти *доказательства*.

Итак, мы начнем с уточнения, что наше старое увлечение, связанное с расшифровкой происхождения первых поселений с городским характером в румынском внекарпатском пространстве, предоставило нам возможность исследовать начала города *Рымник*, который развился на одном из главных путей мунтянской торговли, точнее на дороге Олта, которая пересекала Румынскую страну, связывая Сибиу с дунайскими бродами и болгарскими территориями. Аттестованный документально еще с 1389 года *город* Рымник развился, на первый взгляд, из села, которое на протяжении многих десятилетий служило в качестве «долинной ярмарки». Его местоположение идеально и с точки зрения местной торговли, к которой можно добавить близость к солевым рудникам из Окна Маре, и с точки зрения транзитной международной торговли, которая будет стимулировать на протяжении нескольких десятилетий городское структурирование.

Несмотря на все эти экономические определения, которые активны на фоне благоприятствующего географического расположения, *мнимо* независимого от прямого сопричастия политического фактора, все-таки можно предположить, что тут существовал важный местный центр власти еще с предгосударственного периода. То, что предоставляет некоторое правдоподобие этой оценке - это и месторасположение само по себе, которое, можно предположить, служило в качестве резиденции князя *Фаркаш* (слав. *Вылку*, рум. *Лулу*), и отсюда и название *уезда Вылча*, которое могло создавать пределы бывшего олтыанского княжества, а также информация о существовании оборонительного сооружения, как вытекает из документов.

Возобновив исследование документов тех времен, подтвержденных серией других исторических доказательств из сферы археологии, топонимики или ономастики, мы провели комплексное исследование, чьи результаты, представляющие максимальный интерес для истории нашего государственного начала, подтверждают предыдущие предположения. Конкретнее, наша попытка идентифицировать территориальное происхождение таинственного персонажа, указанного в документах, выданных анжуйской канцелярией, выявила *воеводный* статус Рымнику Вылча, непосредственно в подготовительном периоде создания Румынской страны.

Документ, который привлек наше внимание, определив фокусирование нашего внимания в вышеуказанном направлении, ссылается на «**переход и переселение воевода Богдана, сына Микулы, из своей страны в Венгрию**», факт, который

произошел по приказу короля Карла Альберта Анжуйского, и который был выполнен под присмотром архиепископа Ладислау из Колоча, который специально для этого явился у границы королевства, в Банате.

Обсуждения относительно возможного южно-карпатского происхождения воеводы Богдана, сына Микула, а также его возможная идентичность с марамурешским воеводой Богданом, будущим господином Молдовы, датируется концом XIX века, когда венгерская историография толковала в очень пристрастной манере информацию документа, выданного 6 октября 1335 года анжуйской канцелярией. Что касается румынских историков, они в свою очередь проявили естественный интерес к этой теме, которая воплотилась и в независимом аналитическом подходе, и как реплика к заключению венгерских коллег.

Не вдаваясь в подробности этих позиций, которые принадлежат великим именам национальной историографии, среди которых Н. Йорга, И. Богдан, А. Буня или А. Дечей, мы сделаем первое и очень важное констатирование: *ни один из наших историков не был согласен с идентификацией марамурешского воеводы Богдана с персонажем, указанным в цитированном ранее документе.*

Хотя сегодня, с нашей точки зрения, идентичность тех двух *Богданов* более чем вероятна, мы считаем, в соответствии с общностью существующих исторических данных до проведенных Р. Попа археологических раскопок в Кухя и, в общем, комплексных исторических исследований о Марамурешской стране в XIV веке, занятие позиции подобной А. Дечей, эквивалентной, особенно в уже указанном контексте, историографическому исследованию элементарного здравого смысла. Следовательно послевоенная румынская историография посчитала эту тему закрытой, а незначительные ссылки на документ 1335 года были даны такими историками как Мария Холбан, Серджиу Иосипеску или Виорел Аким - известные анналисты проблем истории Баната Северинского - они попытались объяснить, насколько это было возможно, происхождение воевода Богдана и зоны из которой / в которую он мог быть переведен в Венгрию. К несчастью, попытки этих авторов остались без конкретного результата, и вопрос казался несостоятельным.

Что касается нас, в начале мы объясним территориальное происхождение спорного воеводы Богдана, сына Микулы, не ссылаясь, однако, на возможное тождество с Богданом I, воеводой Молдавской страны.

Поэтому начнем с указания в полном соответствии с подчеркнутой информацией документа, но и с вышеуказанными авторами, особенной важности персонажа, о котором идет речь, которое потребовало не только личное присутствие архиепископа-канцлера из Колочи на банатских границах Анжуйского королевства, но и значительные финансовые усилия для перехода Богдана *и его людей* в Венгрию. Поэтому думаем, что не о переговорах идет речь в документе, так как они были уже завершены, а о подготовке осуществления самого перехода воеводы вместе с группой своих преданных/подданных, и для этого были необходимы, конечно же, «очень большие и дорогостоящие затраты».

Тот факт, что длительная работа архиепископа Ладислау (1 ноября 1334 г. - 15 августа 1335 г.) была успешной, доказывает еще раз текст документа, который не оставляет место для предположения какого-то вмешательства, которое приказал Карл Роберт, и выделяет достижение поставленной задачи, посредством самой снисходительности, проявленной королем относительно магистрата Тоука (Thouka), сборщика дани необходимой для перехода воеводы Богдана и его людей: «А мы, считая, что вышеуказанные сборы дани *были сделаны в нашей службе* (с.н. - Д.К.), одобрили по нашей особой милости прошение указанного господина архиепископа, для снятия всей ответственности и оправдания Тоука (Thouka)...».

Относительно территориального происхождения этого интересного персонажа (*Богдана*), мы считаем, на основании сделанных исследований, что происхождение необходимо искать преимущественно в олтянском пространстве. Направляя рассуждения в этом направлении, я обязан уточнить, что мое собственное горжское происхождение предоставило мне в определенной мере доступ к топонимической информации, которая отсутствует в литературе по специальности, и в любом случае которая не была должным образом использована; часть этой информации связана непосредственно с темой, предложенной для анализа.

Мы имеем в виду, в данном случае, присутствие в хорошо разграниченном историческом и географическом ареале (Северин-Стрехая-Тисмана-Тыргу-Жиу), вблизи банатской границы Румынской страны, двух топонимов с особым резонансом в контексте нашего аргументирования: *Микулешть* и *Богдэнешть*, которые расположены на незначительном расстоянии друг от друга. Первый представляет старинное горжанское село, центр нынешней коммуны Сливилешть, а второй определяет исчезнувшее село, расположенное издателями ДРХ вблизи нынешней коммуны Коркова, оба располагаясь вокруг старого центра власти олтянских правителей (банов) из Стрехая. Думаем, что названия этих сел – напоминающих о *Богдане*, сыне *Микулы*, также как и их расположение, могут обеспечить, вместе с другими историческими доказательствами, достаточно солидные ориентиры для вероятной аргументации нашего мнения. Более того, всего лишь в 15-20 км к северу от Микулешть, по дороге, которая связывает Северин с Тыргу-Жиу, вблизи нынешней коммуны Телешть, мы встречаем другой такой же показательный топоним: *Кымпул Богдэнештилор (Поле, принадлежащее Богдану)*.

С другой перспективы, но в том же направлении, мы отметим один из основных исторических источников для объяснения спорного происхождения воеводы Богдана и начала средневекового румынского государства на юге Карпат. Мы имеем в виду с одной стороны информацию, которая содержится в самом старом диптихе, о котором мы знаем - в диптихе Епархии Нового Северина, составленном во время епископа Штефана около 1673-1674 г., чей 1 лист (обратная сторона) содержит диптих воевод, среди которых фигурирует и «*Ио Богдан Воевода и его мать Госпожа Анка основатели*». Второй диптих Епархии Рымника отредактирован по инициативе епископа Дамаскина три десятилетия позже, и в его начале указано, что так как он «*является старым, от покойного Богдана Воеводы основателя, возобновился...*». Третий диптих, написанный во время епископа Климента, начинается с того же утверждения и содержит в свою очередь в списке господ «*Богдана воевода и его мать Анку основателей*».

С другой стороны, так как выделял Николай Добреску, австрийский источник первой половины XVIII века, известный как *латинская перепись* (10 июня 1731 г.), в которой указаны исторические данные о монашеских поселениях из Олтении, тоже воспринимает эту традицию: «*Церковь Епархии Рымника была построена с фундамента старым Богданом Воеводой, братом Мирчи Воеводы, в 6812 году [1303-1304], и эта церковь принадлежит городу Рымник. Когда же архиепископ или митрополит, именуемый Антимом, перевел архиепископство из Северина в Рымник, осталась эта епископальная церковь, и называется до нынешних дней Новый Северин. Украшение этой митрополитской церкви было сделано однако потомками епископа Антима, а именно Ефтимий и Михаил, которые также позаботились построить старые епископские здания. Дом типографии, однако, и погреб под него, Матей Водэ позаботился сделать*».

Большинство заинтересованных этой темой отрицали правдивость этой информации, согласно которой качество основателя церкви *ярмарки* Рымник (*quae ecclesia oppidi Rimniciensis fuerat*), которая позже стала епископской, присвоено какому-то *Богдану Воеводе* – еще с первых лет XIV века (1303-1304), который, скорее всего, обязательно

идентифицируется с *Даном I* (1385-1386). Такое решение соблазнило наших историков и продолжает это делать категорическим образом, как нежелательное следствие замкнутости в слишком твердые рамки «официальной» генеалогии, которая в свою очередь становится злополучной конвенцией.

Таким образом, слишком большая «давность» воеводы-основателя (*Bogdan vavvoda antiquo, anno 6812*), которому не можем найти место среди господ XIV века, квалифицировало бы его с позиции, которую ему придает источник ссылки, и более надежной его идентификации с Дан I, «*брат Мирчи Воевода*», от 6892 г. И несмотря на то, что воевода указан в диптихе вместе со „своей мамой Госпожой Анкой», которую считают первой женой Раду I (1377-1385), что подтверждается диптихом Монастыря Кымпулунг и ее презентацией на картине Церкви Св. Николая Домнеск из Куртя де Арджеш. Следовательно, путаница произошла в неизвестный момент, редакторами епископских диптихов их Рымнику: «Возможно, что при переписке старого и стертого диптиха, прочли вместо *Ио Дан Воевода* как было раньше - *Богдан Воевода*, и этим путем пробралась, конечно же, ошибка относительно года, которой несомненно можно найти вероятные объяснения с палеографической точки зрения».

Но, независимо от нашей снисходительности, трудно согласиться с превращением *Ио Дан Воевода* в *Ио Богдан Воевода*, если учесть факт, что редактирование официального диптиха такого престижного церковного учреждения как Епархия Нового Северина не могло быть оставлено на попечение немогущего писака, а человек, на которого возложили такую ответственность, несомненно, знал имя **истинного основателя** епископского собора, которое многократно повторяли на проводимых там службах. И даже если согласимся с этой возможностью, мы должны учесть, что все церковнослужители во главе с епископом увидели бы измененное имя в диптихе, которое они знали и произносили, и поэтому, по нашему мнению, такая аномалия исключена. Что касается путаницы, которая могла произойти между 6892 и 6812 годами, в их редакции кириллицей это менее вероятно, и сам И. Донат, указывая об этом в сноске для предоставления объяснений, выражает несомненную дозу скептицизма...

Впрочем, необходимо подчеркнуть здесь неуловимый до сих пор исследователями факт, а именно исключительная «аккуратность» воеводского списка их диптиха Рымника, относительно *последовательности воевод XIV века*. Во время кристаллизации великой летописной внутренней работы, и которая, именно в этой части обезоруживает современного историка своей совершенной неточностью, если нам дозволено так выразиться, диптих епархии Нового Северина перечисляет *Ио Басараб Воевод, Ио Александру Воевод, Ио Владислав Воевод, Ио Раду Воевод, Ио Дан Воевод* и *Ио Мирча Воевод*, превосходя этим самым все остальные списки воевод, принадлежащие намного «известным» диптихам, такие как: диптихи Монастырей Кымпулунг, Тисмана или Арджеш. Более того, само присутствие в диптихе – чьим «владельцем» является *Богдан Воевод основатель – Ио Дан Воевода* перед своим *братом Ио Мирча Воевод*, то есть, там, где его место, делает недействительным толкование, которое мы опровергаем, и к этой поправке добавляются, как мы увидим, другие несколько хорошо аргументированные рассуждения исторического характера.

Так, фрагмент указанный выше *латинской переписи*, а именно епископ Инокентий, уточняет несомненным образом, и этот факт принят и твердо утверждает даже сам И. Донат, что **митрополия была переведена из Северина в Рымник митрополитом Антимом (1370-1381)** и находилась целые столетия и до настоящего времени как епархия **Нового Северина**, бывшей церковью ярмарки, основанной воеводой Богданом и его матерью госпожой Анкой. Но так как легко можно установить, **митрополит Антим мог переместить митрополию в Рымник только до 1381 года**, когда уступает свое место архиепископу Анастасию, то есть, **до того как воевода Дан I выполнил**

свой «мандат» воеводы (1385-1386) и в любом случае до основания церкви в 6892/6893 (1384/1385) по «формуле» которую те, кто выразили свое мнение до нас, считают неправильно прочитанную и переписанную.

Следовательно, мы считаем очень показательным сохранение памяти воеводы Богдана в коллективной памяти олтян из Рымника и, особенно, в диптихах церковных учреждений первостепенного значения, и это *доказательство* может подкрепляться и ранней аттестацией одного из сел, которое носит название персонажа, о котором идет спор: *Богдэнеишь с Олта*, подаренное Мирчей чел Бэтрын монастырю Козия, который он основал (1394), и в наше время принадлежит вылчанскому городу.

Очень важным является и датирование церкви Рымнику, в 1303-1304 г., когда воевода Богдан представлен нам в качестве основателя, *вместе со своей матерью Госпожой Анкой*, и это позволяет Петре Бардашу предположить несовершеннолетие Богдана на тот момент и, следовательно, возможную его идентификацию с воеводой 1335 года. Привлекает внимание и престольный праздник основанной им церкви, *Св. Николая*, который напоминает имя отца воеводы Богдана, *Микула*, которое идентично с ономастикой *Николай*, в широко известной своей форме использованной в венгерской среде, и которое является естественной в документе, выданном канцелярией анжуйского королевства. Что касается персонажа *Госпожа Анка*, ее важность иллюстрирована удачливым и очень важным *открытием* на территории нынешнего квартала Горану города Рымник, и которое очень возможно принадлежит ей: **золотая диадема, датированная рубежом XIII-XIV века, единственная в внекарпатском пространстве**, которая мастерски была использована в научных целях Кристиной Антон Маня, исследователем в рамках Национального исторического музея Румынии.

Помимо всех этих ссылок, необходимо все-таки проанализировать контекст, в котором олтянский воевода мог находиться в положении вести переговоры и перейти вместе со своими людьми в венгерское королевство. Мы полностью согласны с М. Холбан, что это тесно связано с конфликтом, возникшим между Карлом Робертом Анжуйским и сюзереном *воеводы* Богдана, *великим воеводой* Басарабом из Арджеша, при особенных исторических обстоятельствах, которые еще не совсем ясны, когда «отец владыка» осуществляет свою власть над олтянскими территориями. «План отделения», как назвал его М. Холбан, был естественным следствием этого давления с центра с целью подавления опасных намерений политической эмансипации древних семей олтянских воевод. Рассматривая ретроспективно, на основании документов, которыми мы обладаем, существуют два момента, которые привлекают наше внимание, и когда такой антагонизм мог материализоваться.

Первый связан непосредственно с походом анжуйского короля в 1330 году, когда «послания и тайные дела» Бако позади арджешского фронта касались именно переговоров с персонажем из этого сословия *воевод*, и даже очень возможно, учитывая информацию проанализированного документа, что с самим Богданом. Но измена своему сюзеренному из Арджеша, поставит олтянского воеводу, особенно после поражения Карла Роберта, в неблагоприятное положение, и он будет вынужден покинуть владения и перейти в безопасную зону, позволяющую ему и в дальнейшем вести переговоры для получения привилегированного статуса, в случае его возможного перехода в Венгрию.

И этот шанс ему был предоставлен, конечно же, Штефаном Урош III *Дечанским*, королем Сербии, который в июле 1330 года победил в Велбужде (Кюстендил) войска Михаила III Шишмана, несмотря на солидную военную помощь, полученную последним от своих региональных союзников, среди которых выделился, согласно современным источникам, сам Басараб. Политический контекст, определенный вмешательством воеводы Басараб в сербско-болгарский конфликт, конечно же, ставил в выгодное положение Богдана, у которого, таким образом, был доступ к территориям,

которые контролировал сербский король, конъюнктурный соперник господина из Арджеша.

Но эта ситуация не могла длиться слишком долго. В следующем году тот, который станет *царем сербов и ромеев*, и у которого были реальные императорские амбиции, то есть Штефан Душан (1331-1355), удалил силой своего отца Штефана Уроша III *Дечанского* от управления Сербией и начал политику примирения с новым болгарским царем Иоанном Александром (1331-1371), зятем Басараба. Более того, взяв в жены Елену, сестру Иоанна Александра, он автоматически породнился и с трансальпийским воеводой. Изменения, происшедшие в конце 1332 года, поставили Богдана в следующий период не только в неловкое, но и по правде в опасное положение.

Находясь вероятнее всего на территории баната Браничево, контролируемым сербами, Богдан очутился между молотом и наковальней. К счастью для него, военная сила, которой он обладал, и которой ни один из соперников не мог пренебрегать, сделали возможным в течение определенного времени переговоры с обеими силами, расположенными на линии Дуная. Вскоре, однако, обстоятельства, возникшие через родство с Басарабом, и конфигурация совместных интересов - блокировка Анжуйского королевства в своей попытке завоевать гегемонию на юго-востоке Европы, побудили, очень возможно, сербского короля принять более твердую позицию к гостю из Браничево. Так как вытекает из документа, выданного осенью 1335 года, период времени, который прошел до практического перехода ольтянского воеводы в Венгрию, характеризовался неблагоприятной эволюцией отношений Богдана со Штефаном Душаном, эти отношения испортились, возможно, даже бесповоротно осенью 1334 года одновременно с вторжением в Браничевскую область и захватом крепости Голубак Карлом Робертом Анжуйским.

Новое состояние дел, уточненное демонстрацией сил и расширением анжуйского контроля в Браничево, но и непосредственный контакт, который Богдан мог иметь с будущим сюзереном, несомненно побудили первого решиться перейти окончательно в Венгерское царство. Впрочем, самый известный венгерский исследователь средневековья Пал Энгель (Pál Engel), в своей известной работе, цитированной выше, отмечал следующее: «Мы знаем и о том, что из тогдашней оккупированной части Сербии, **множество вlahов под руководством Богдана** (с.н. – Д.К.) перешли в ту часть страны, которая расположена между Мурешем и Дунаем».

В альтернативном сценарии, предложенном М. Холбаном, после вдохновенного анализа источников восстанавливаются события произошедшие на банацанской границе Румынского государства в 1334-1335 годах, когда воевода «отделитель» Богдан начал переговоры с Карлом Робертом Анжуйским, уступив ему Северин (посмотрите метеорное возникновение Северинских банов (представителей воеводы) в анжуйских документах в мае-июне 1335года), взамен выгодного перехода в Венгерское королевство.

В качестве подтверждения политического перехода Северина из Баната, который окончился оккупацией венграми дунайской крепости, служит ответ Басараба вместе со своими союзниками татарами который они предоставили анжуйскому королю, разграбив Страну Бырсей. В этом смысле является релевантной информация, предоставленная нам документом, выданным 28 декабря 1335 года в Алба Юлия, в котором капеллан церкви Трансильвании отмечал преданные услуги королю магистра Николая Васс Молодого в крепости Хэлкиу «с пролитием своей крови и со смертью своих близких родичей и своих верных служащих». Хотя и не раскрыл личность противников короля, которые проникли летом 1335 года в Трансильванию, она известна нам из сашских¹ хроник, цитированных George Michael Gottlieb von Hermann, который

ссылается на опустошение татарами Страны Бырсей и окончательное разрушение крепости *Орленбург*.

С надеждой, что нам удалось предоставить правдоподобную аргументацию олтянского происхождения воеводы, указанного в документе от 6 октября 1335 г., мы попробуем продемонстрировать в дальнейшем личность тех двух исторических персонажей-однофамильцев: соответственно воеводы Богдана I, освободителя Молдовы, со своим олтянским „тезкой”.

Не случайно в первой части мы избегали обсуждать позицию известного археолога и историка Раду Попа, относительно информации, содержащейся в только что проанализированном документе. Автор исследований в Кухя, которые имеют первостепенное значение для понимания действительности той эпохи, но и выдающейся работы по истории страны Марамуреш в XIV веке, Раду Попа ошибся, по нашему мнению, преувеличивая выводы Аурела Дочей в 1939 году. Принимая некритическим образом его мнения, он интуитивно не понял необходимость подкрепления результатов своих собственных археологических исследований с документальной информацией, содержащейся в документе 1335 года.

Что касается нас, мы исследовали эту странную историографическую «трещину» и достигли указанных здесь результатов. Конкретнее, мы начнем с абсолютно необходимым, хотя и не достаточным, выделением в качестве *единого* аргумента позиционирования «долинного князя богданештилор», как назвал его Р. Попа, в физической и политической географии Марамуреша. Таким образом, внимательно исследовав карту исторического Марамуреша, мы сможем заметить, что владения Богдана находятся в юго-восточной части этой провинции, на границе с Молдовой, вблизи Прислопа, истинных ворот входа татарских орд в эту зону.

Так как с легкостью можно утверждать, размещение владений воеводы Богдана связаны непосредственно с необходимостью защиты первой линии фронта против татар, и его присутствие там не является случайным. Конечно же, это далеко не является достаточным аргументом для демонстрации наших предположений, но все же это необходимо запомнить. И не только за свою внутреннюю ценность части головоломки, которую мы попробуем восстановить, но и просто за то, что если бы было по-другому, то вся наша аргументация бы провалилась: какой-то воевод Богдан наделенный землей в Марамуреше, *после 1335 года*, не смог бы владеть имениями в *середине* других долинных княжеств, предварительно существующих, и это могло произойти в исключительных случаях и только чисто теоретически.

Итак, запомнив размещение имений воеводы Богдана, мы продолжим наше исследование с выделением одной из самых интересных заключений исторических исследований Раду Попа: **семья *Богданешть* была, в середине XIV века, единственной семьей в Марамуреше, которая не имела родственных отношений с другой семьей, принадлежащей этой стране.** Так как утверждал автор, основываясь на марамурешские грамоты, изданные Иоаном Михали из Апша, «родственные связи с долхонянами и с потомками князей из Сарасэу, указанные в документах в начале XV века, объяснены как существующие благодаря замужеству дочерей Иоанна, сына Юга, с лицами из этих двух семей». А в том, что касается гипотезы о более древнем родстве представителей богданешть с представителями драгошан или с джулинами, то у них «нет документального обоснования или обоснования другого характера». Это заключение необходимо внимательно запомнить, поскольку документальная аттестация какой-то родственной связи, также как и любая другая аттестация какого-то члена этой важной воеводской семьи *до 1335 года*, подрывало бы бесспорно предложенное мышление.

Саш – Лицо германского населения, которое было колонизировано в XII-XIII веках, в некоторых частях Трансильвании (Примечание переводчика).

Более того, хотя можно констатировать, что в середине XIV века *полное владение воеводы из Кухя сел в верхней долине Вишеуа – два Вишеу, Борша и Мойсей, как неотъемлемой частью своего имения*, вопреки неоспоримого характера этого «полного владения», узнаем из грамоты *утверждения*, которая была выдана позже под управлением Ионна из Хунедоары; факт, который обладает *исключительной важностью*: **вишевские князья властвовали над селами, о которых идет речь, по праву княжества, признанного таковым собранием «дворян и не дворян комитата Марамуреш», также как и властями комитата, еще со времен *святых королей Венгрии*. И так, право собственности этих князей, у которых не было никакой связи с семьей Богданешть, было узурпировано в определенный момент воеводой Богданом, с вмешательством инородной неожиданно прибывшей высшей власти в марамурешскую среду.**

И вот таким образом мы достигли *сильных* частей нашего доказательства, благодаря археологическим исследованиям, предпринятым Раду Попа в церкви и во дворе воеводы из Кухя. Не думаем, что еще необходимо утверждать доказательную силу этих элементов «конкретной истории», и их безжалостную способность разлагать крепко обоснованную документацию. То, что поистине важно понять сейчас беспристрастно - это ценность результатов, полученных в Кухя, а также их глубокое значение.

Мы начнем с замечательным выделением точности датирования каменной церкви из Кухя, *в четвертом десятилетии XIV века*, точнее к концу царствования Карла Роберта Анжуйского, в интервале 1335-1340 г. Помимо повторного появления **1335 года**, который мы запомнили в качестве даты перехода воеводы Богдана в Венгрию, в этом памятном контексте необходимо подчеркнуть и факт, что соответствующее датирование было возможным благодаря монетам, открытым в небольшом кладе, закопанном у основания алтаря, из которых самые старинные были выданы ... **сербским королем Стефан Душаном, в первой части царствования (1331-1346).**

Не комментируя этого открытия, единственного такого в марамурешской зоне, такой далекой по отношению к территории правления сербского царя, мы отметим другое, такое же значительное, и также с археологическим характером - связанное с размещением каменной церкви в Кухя на месте старого кладбища. И так, размещение ям могил старого кладбища было либо *неизвестным*, или *не соблюдалось новыми прибывшими*, которые построили свое религиозное здание не оберегая их никаким образом. Так из могил, принадлежащих с уверенностью старому кладбищу, три были пересечены канавами нового фундамента, четыре могилы остались покрыты цементной плитой, современной каменной церкви, а остальные могилы были покрыты мощением, и ко всему этому добавляется факт, что у них в любом случае была другая ориентация по отношению к церковному ансамблю. Это подтверждает несомненным образом «прерывистость» жизни этого сельского поселения и качество *новоприбывшего Богданешть* на территории, чья предыдущая история слишком трудна для толкования.

Можем добавить, что воеводская церковь в Кухя характеризуется не только чисто католической архитектурой (церковь-зал с характеристиками раннего готицизма), в том числе постоянно присутствующая *sacristie*, но и соразмерный престольный праздник – *Св. Короля Стефана*. И это тем более многозначительно, если учесть, что потомки Саса, воеводы Балк и Драг, которые вошли во владение имения Кухя после 1365 года, проявили себя как важные заступники православия. По нашему мнению, очень возможно, что одним из условий перехода Богдана было обращение в католицизм, и это может объяснить всю предыдущую конъюнктуру, но не ставя под вопрос возвращение воеводы к православной вере сразу же после его мятежа.

В качестве последнего вмешательства для аргументации выделяем факт, что Богдан является *единственным* случаем марамурешского деятеля, именуемого *воеводой* и после того, как он стал неверным анжуйской короне. Даже в документе 1365 года,

посредством которого были конфискованы его имения, он назван *воевода Богдан*, и этот его атрибут не связан с его марамурешской функцией, которая была аннулирована зимой 1342-1343 г., а с *его старым и непрерывным* качеством воеводы, так как впервые указано в документе 1335 г.

Заканчиваем уточняя факт, что в далеком Марамуреше, старые названия тех двух гор из которых берет начало речка Иза, на потоке которой находится Кухя, резиденция Богдана, были **Басараб** и **Траян**, и соответственно предоставляем читателю возможность самому сделать выводы нашего исследования.